

RUGRAM

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

Содом и Гоморра

ФТМ

УДК 82/89
ББК 84(4Фра)6
П85

MARCEL PROUST
À la recherche du temps perdu
Sodome et Gomorrhe
1921–1922

Перевел с французского Н. Любимов

Пруст М.

П85 В поисках утраченного времени : Содом и Гоморра / Марсель Пруст ; [пер. с франц. Н. Любимова]. — М. : «RUGRAM_ФТМ», 2021. — 625 с. — (Серия «Пальмира — Пруст»).

ISBN 978-5-521-74585-2

«Содом и Гоморра» — четвертая книга семитомной эпопеи французского писателя Марселя Пруста (1871–1922) «В поисках утраченного времени». Рассказчик описывает свои сложные отношения с Альбертиной — одной из девушек, с которыми он познакомился в Бальбеке.

УДК 82/89
ББК 84(4Фра)6

© Любимов Н. М., наследники,
перевод на русский язык, 2021
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

ISBN 978-5-521-74585-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

У женщин будет Гоморра,
а у мужчин — Содом.

Альфред де Виньи

Я уже упоминал, что в тот день (день приема у принцессы Германтской), задолго до моего посещения герцога и герцогини, о котором только что шла речь, я подкарауливал их и, стоя на страже, сделал открытие; касалось оно, собственно, де Шарлю, но оно было настолько важно само по себе, что до тех пор, пока у меня не появилась возможность рассказать о нем подробно и обстоятельно, я предпочитал не сообщать ничего. Я ушел, как уже было сказано, с чудного наблюдательного пункта, так удобно устроенного под самой крышей, откуда взгляд обнимал пологую возвышенность, по которой можно было подняться до дома Брекиньи и которой, как это часто бывает в Италии, служила украшением веселая башенка сарая, принадлежавшего маркизу де Фрекуру. Так как герцог с герцогиней должны были вернуться с минуты на минуту, то я подумал, что мне выгоднее стать на лестнице. Мне было жалковато моей вышки. Но в послеполуденное время особенно жалеть о ней не стоило, потому что теперь я уже не увидел бы с нее нарисованных человечков, в которых превращались на расстоянии лакеи из дома Брекиньи, с метелками в руках медленно взбиравшиеся на гору между широкими листьями прозрачной слюды, причудливо выделявшимися на фоне красных отрогов. Не имея возможности производить геологическую разведку, я занялся ботаникой: на площадках лестницы я смотрел в окна на кустик и редкое растение, которые по распоряжению герцогини выносились во двор так же упорно, как упорно вывозят в свет женихов и невест, и спрашивал себя: не залетит ли по воле предудстановленного случая нежданное насекомое и не навестит ли оно обездоленный, готовый отдаться пестик? Любопытство

придавало мне храбрости, и я постепенно добрался до окна на нижнем этаже, тоже распахнутого, но не вплотную прикрытого ставнями. Я слышал явственно голос собиравшегося уходить Жюпена, который не мог меня видеть, потому что я притаился за ставнями, и вдруг я метнулся от окна в сторону, чтобы, медленно шедший по двору к маркизе де Вильпаризи, меня не заметил де Шарлю, располневший, седеющий, постаревший при дневном свете. Только по случаю того, что маркиза де Вильпаризи занемогла (ее доконала болезнь маркиза де Фьербуа, с которым он рассорился окончательно), де Шарлю — быть может, первый раз в жизни — пришел навестить ее, да еще в такой ранний час. Особенность Германтов заключалась в том, что они не приноравливались к светскому образу жизни — они изменяли его соответственно своим привычкам (с их точки зрения, не светским, а следовательно, заслуживающим того, чтобы ради них пожертвовать светскостью): так, у виконтессы де Марсант не было определенного дня — она принимала своих приятельниц каждое утро, с десяти до двенадцати, а барон в это время читал, разыскивал старинные вещицы и т. д., а с визитами ходил между четырьмя и шестью. В шесть он ехал в Джокей-клуб или катался в Булонском лесу. Потом я отпрянул, чтобы меня не увидел Жюпен; в это время он уходил на службу, а возвращался домой к вечеру, и то не всегда с тех пор, как его племянница вместе со своими ученицами уехала в деревню дошивать заказчице платье. После ухода Жюпена я, полагая, что больше мне бояться некого, решил не двигаться с места, чтобы не пропустить, если бы это чудо все-таки совершилось, прилета, на который почти не было надежды (так много надлежало преодолеть препятствий, связанных с дальностью расстояния, столько тут было риска, опасностей), — прилета насекомого, посланного издалека к девственному цветку, истомившемуся от долгого ожидания. Я знал, что это ожидание было такое же деятельное, как у мужского цветка, тычинки которого самопроизвольным движением поворачивались так, чтобы насекомому было

легче забраться в цветок; равным образом женский цветок, если бы насекомое прилетело, кокетливо изогнуло бы свои столбики и, чтобы насекомое глубже в него проникло, проделало бы, подобно напускающей на себя святость, а на самом деле сладострастной девице, полпути навстречу ему. Законы растительного мира подчиняются высшим законам. Для оплодотворения цветка необходим прилет насекомого, иными словами — занос семени с другого цветка необходим потому, что самооплодотворение, оплодотворение цветка самим собой, — подобно тому, как если бы в пределах одной семьи родственники женились бы только на родственниках, — привело бы к вырождению и к бесплодию, а от скрещивания, производимого насекомыми, новые поколения этого вида обретают такую силу жизни, какой не отличались старшие в их роде. Однако рост может оказаться слишком бурным, вид может слишком широко распространиться; тогда, подобно тому как антитоксин предохраняет от заболевания, подобно тому как щитовидная железа не дает нам растолстеть, подобно тому как неудача карает нас за спесивость, усталость — за наслаждение и подобно тому как сон, во время которого мы отдыхаем, восстанавливает наши силы, совершающийся в исключительных случаях акт самооплодотворения в определенное время делает поворот винта, тормозит, вводит цветок в норму, от которой он слишком далеко отступил. Мысли мои, которые я изложу потом, приняли особое направление, и я уже из очевидного хитроумия цветов выводил заключение, касавшееся той огромной роли, какую играет подсознание в художественном творчестве, но тут я увидел, что от маркизы выходит де Шарлю. Он пробыл у нее несколько минут. Быть может, он узнал от нее самой или от слуг, что маркизе де Вильпаризи гораздо лучше или даже что она совсем оправилась от своего легкого недомогания. Полагая, вероятно, что его никто не видит, де Шарлю полужакрыл от солнца глаза и ослабил напряжение лицевых мускулов, поборол возбуждение, которое поддерживалось у него оживленной беседой и силой воли.

Мраморная белизна заливала его лицо; у него только нос был большой, а другие черты — тонкие, и все его черты были сейчас свободны от несвойственного им выражения, которое им придавал обычно властный его взгляд и от которого их лепка дурнела; теперь это был — в чистом виде — один из Германтов, это была статуя Паламеда XV в усыпальнице комбрейской церкви. И все же черты рода у де Шарлю были более одухотворенными, а главное — более мягкими. Мне было жаль, что за частыми его вспышками, за безобразными его выходками, за его злоязычием, за его суровостью, обидчивостью и заносчивостью, за напускной грубостью не видны его благожелательность и доброта, которые так простодушно расцвели на его лице сейчас, когда он вышел от маркизы де Вильпаризи. Он щурился от солнца, и от этого казалось, что он улыбается; я обнаружил в его лице, которое показалось мне сейчас в спокойном и как бы в естественном своем состоянии, что-то ласковое, беззащитное, и я невольно подумал, что де Шарлю очень рассердился бы, если бы заметил, что за ним наблюдают; глядя на этого человека, которому так хотелось слыть мужественным, который так кичился своей мужественностью, которому все люди казались до отращения женоподобными, я подумал — столько женственного промелькнуло сейчас в его чертах, в выражении его лица, в его улыбке — о женщине.

Я хотел опять от него спрятаться, но не успел, да в этом и не было необходимости. Что же я увидел! В этом самом дворе, где они, конечно, до сих пор ни разу не встретились (де Шарлю приходил к Германтам во второй половине дня, когда Жюльен был еще на службе), барон, вдруг широко раскрыв глаза, которые он только что жмурил, устремил до странности пристальный взгляд на бывшего жилетника, стоявшего в дверях своего заведения, а тот, пригвожденный взглядом де Шарлю, пустивший корни в порог, как растение, любовался полнотой стареющего барона. Но еще удивительнее было вот что: как только де Шарлю изменил позу, Жюльен, словно повинувшись закону какого-то неведомо-

го искусства, точно так же изменил свою. Барон попытался сделать вид, будто эта встреча не произвела на него никакого впечатления, но сквозь притворное его равнодушие было заметно, что ему не хочется уходить: с фатоватым, небрежным и смешным видом он разгуливал по двору и смотрел в пространство, стараясь обратить внимание Жюльена на то, какие красивые у него глаза. А лицо Жюльена утратило скромное и доброе выражение, которое я так хорошо знал; он — в полном соответствии с повадкой барона — задрал нос, приосанился, с уморительной молодцеватостью подбоченился, выставил зад, кокетничал, как орхидея с ниспосланным ей самой судьбою шмелем. Я никогда не думал, что он может быть таким отталкивающим. И уж никак не могло мне прийти в голову, что он способен экспромтом принять участие в немой сцене и при этом (хотя он первый раз в жизни видел де Шарлю) исполнять свою роль так, как будто он долго ее учил, — мы неожиданно для самих себя достигаем подобного совершенства, только когда встречаем за границей соотечественника: тут взаимопонимание возникает само собой — хотя бы мы никогда прежде не виделись, — потому что язык у нас общий и все разыгрывается как по нотам.

Нельзя сказать, чтобы эта сцена была просто смешной; в ее необычайности и, если хотите, естественности была своя красота, и красоты становилось все больше. Де Шарлю принимал отрешенный вид, как бы в рассеянности опускал глаза, потом опять поднимал и внимательно смотрел на Жюльена. Но (де Шарлю, конечно, отдавал себе отчет, что эта сцена не может длиться здесь до бесконечности, а быть может, по причинам, которые станут ясны потом, наконец, может быть, в нем говорило сознание, что все в жизни мимолетно, — вот почему мы так стремимся к тому, чтобы ни одно наше усилие не пропадало зря, и вот почему нас так волнует зрелище всякой любви) каждый раз, когда де Шарлю смотрел на Жюльена, ему хотелось что-нибудь сказать, и это резко отличало его взгляды от тех, что устремляем мы на знакомых и незнакомых людей; так пристально,

как он смотрел на Жюпьена, смотрит тот, кто сейчас вам скажет: «Простите, но у вас на спине длинная белая нитка» — или: «Если не ошибаюсь, вы тоже из Цюриха? По-моему, мы там часто с вами встречались у антиквара». Вот так через каждые две минуты один и тот же вопрос, казалось, упорно возникал в тех беглых взглядах, какие де Шарлю бросал на Жюпьена, и напоминало это вопросительные музыкальные фразы Бетховена, без конца повторяющиеся через одинаковые промежутки и служащие для того, чтобы — после чересчур пышных приготовлений — ввести новый мотив, подготовить переход из одной тональности в другую, возврат к основной теме. Но только взглядам де Шарлю и Жюпьена придавало особую красоту то, что они — по крайней мере в данное время, — казалось, не стремились к чему-либо привести. Такого рода красоту я впервые уловил именно в том, как смотрели друг на друга де Шарлю и Жюпьен. В их глазах отражалось небо, но только не Цюриха, а какого-то восточного города, название которого я пока еще не мог вспомнить. Как ни сдерживали себя де Шарлю и жилетник, соглашение между ними, казалось, было уже достигнуто, а бесцельные их взгляды были только обрядовой прелюдией, чем-то вроде вечеринки перед свадьбой. Если поискать сравнения в природе, — в многообразии таких сравнений нет ничего надуманного, потому что один и тот же человек, за которым вы понаблюдаете всего лишь несколько минут, может быть и человеком, и человеком-птицей, и человеком-насекомым, и т. д., — то можно было бы сказать, что это две птицы, самец и самка, и что самцу хочется подойти поближе, а что самка — Жюпьен — хотя и никак не отвечает на его заигрыванья, однако смотрит на своего нового друга без всякого удивления, невидяще пристальным взглядом, так как ей представляется, что это должно действовать на него сильнее и что после первых шагов с его стороны только это одно способно приманить его, и чистит перышки. Но игра в равнодушие в конце концов, видимо, надоела Жюпьену; от уверенности в том, что самец пленен,